

КАК ГРАММАТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА УПРАВЛЯЕТ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИЕЙ ПОКАЗАТЕЛЕЙ (на примере эвиденциальной системы тазовского селькупского)*

© 2015 г. Анна Юрьевна Урманчиева

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, 199053, Россия; Институт
языкознания РАН, Москва, 125009, Россия
urmanna@yandex.ru

Статья посвящена одному аспекту семантической эволюции грамматических показателей, до сих пор не освещавшемуся в полной мере в работах по грамматикализации. Речь идет о том, как грамматическая система, принимая новый показатель, может влиять на возникновение у него того или иного значения. В данной работе этот вопрос рассматривается на примере развития полисемии одного из эвиденциальных показателей северного, тазовского диалекта селькупского языка.

Ключевые слова: селькупский язык, эвиденциальность, глагольная система, семантическая эволюция показателей

HOW MUCH IMPACT CAN GRAMMATICAL SYSTEM HAVE ON THE SEMANTIC EVOLUTION OF GRAMS (a case study on the Tas Selkup system of evidential markers)

Anna Yu. Urmanchieva

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, 199053, Russia;
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, 125009, Russia
urmanna@yandex.ru

This paper is devoted to an aspect of the semantic evolution of grams, which seems to be usually underestimated in grammaticalization studies. It is stated that a grammatical system can have a considerable impact on the process. This issue is examined on the example of a Tas Selkup evidential marker, which has developed a wide range of various semantic functions meeting the requirements of Selkup verbal system.

Keywords: Selkup, evidentials, verbal system, semantic evolution of grams

Введение

Селькупский язык относится к самодийской группе уральской семьи языков. В составе самодийской группы селькупский образует особую ветвь. Он подразделяется на пять основных диалектов, распадающихся на локальные говоры. В данной статье рассматривается материал одного из северных говоров — тазовского, в котором наиболее полно сохранилась эвиденциальная система. Мое видение эвиденциальной системы тазовского селькупского представлено в [Урманчиева 2014]. Настоящая статья построена следующим образом: в первом разделе обсуждается понятие грамматического дрейфа, которое предлагается для описания семантической эволюции показателей в рамках грамматической системы (этот процесс, на мой взгляд,

* Исследование выполнено в рамках проекта РНФ «Диакронически нестабильные аспектуальные категории» № 14-18-02624 (рук. — В. А. Плунгян).

отличен от процесса грамматикализации); во втором разделе вкратце характеризуется семантика эвиденциальных показателей тазовского селькупского; в третьем разделе эвиденциальная система тазовского селькупского сопоставляется с эвиденциальными системами северносамодийских языков; в четвертом разделе высказываются гипотезы о путях развития эвиденциальных систем самодийских языков; и, наконец, в пятом разделе описываются направления экспансии латентивного показателя в селькупской глагольной системе и обсуждаются факторы, повлиявшие на развитие у рассматриваемого показателя присущей ему полисемии.

1. Понятие «грамматического дрейфа»

Обычно в работах по типологии грамматикализации развитие каждой грамматической единицы рассматривается изолированно; даже если и предполагается возможность внешнего влияния, то речь идет только о влиянии контекста (ср., например, классификацию семантических изменений в работе [Bybee et al. 1994], демонстрирующую, что влияние контекста на семантику грамматического показателя возрастает на поздних стадиях грамматикализации), но не о тех требованиях, которые предъявляет к новому показателю архитектура принимающей его грамматической системы. Вместе с тем очевидно, что языковая единица, коль скоро она оказывается встроенной в определенную грамматическую подсистему языка, не может семантически эволюционировать совершенно независимым образом. Появление любого нового показателя в системе не может не затронуть значение уже существующих в грамматической системе показателей из данной семантической зоны.

В этом смысле семантическая сущность процесса грамматикализации не идентична семантической эволюции показателя, принадлежащего грамматической системе. Дело в том, что траектория развития грамматического показателя может существенно изменяться под влиянием того, что при вторжении в его семантическую зону нового показателя возникает своего рода «отталкивающий» момент, причем в этом случае старый грамматический показатель должен уступить экспансии грамматизируемого. В связи с этим я предлагала разграничивать собственно процесс грамматикализации (образование новой грамматической единицы) и грамматический дрейф (семантическое развитие показателей в грамматической системе):

...грамматизируемый показатель в значительной степени живет сам по себе, определенным образом «деформируя» грамматическую систему, чтобы занять место среди уже существующих показателей. В свою очередь, грамматический показатель принадлежит системе, между элементами которой энергия этой деформации распределяется, подобно угасающим колебаниям, пропорционально тому, насколько близко элемент находится к эпицентру вторжения, то есть пропорционально тому, насколько тесно он семантически связан с новым элементом системы. На наш взгляд, крайне важно разграничить эти две области исследования (грамматикализация vs. семантическая эволюция грамматических показателей в системе, которую мы предлагаем называть *грамматическим дрейфом*), так как грамматический дрейф зачастую не подчиняется тем закономерностям, которые сформулированы в рамках теории грамматикализации [Урманчиева 2008: 123].

Таким образом, можно говорить о таком факторе, влияющем на процесс семантической эволюции показателя, как внутрисистемные отношения между старыми и новыми грамматическими показателями. Существенно, что до сих пор если об этом и шла речь, то подразумевалось, что эти отношения являются однонаправленными: старые показатели испытывают давление новых показателей. В частности, именно эти случаи рассматриваются в [Bybee et al. 1994] при описании такого семантического механизма, как приобретение значения контекста (новые показатели вытесняют старые в неассертивные контексты). Как видно из приведенной выше цитаты, предлагая ввести понятие «грамматического дрейфа», я также ориентировалась прежде всего на те случаи, когда старый показатель уступает экспансии нового¹.

¹ Надо отметить, что семантическое развитие «старых» показателей далеко не исчерпывается таким крайним проявлением, как вытеснение в консервативные контексты с неассертивной

Однако понятие «грамматического дрейфа» следует несколько скорректировать. А именно, оказывается, что семантическое взаимодействие показателей внутри грамматической системы не является односторонним: значение старых грамматических показателей в не меньшей степени может влиять на направление семантической эволюции более новых грамматических показателей. Яркий пример такого влияния, причем носящего «множественный» характер, будет рассмотрен в данной статье.

2. Эвиденциальная система селькупского языка

В эвиденциальной системе селькупского языка представлено три показателя: показатель инфертива *-mp(y)*, показатель аудитива *-kunä* и полисемичный показатель *-nt(y)*, называемый в этой работе латентивом вслед за [ОчСЯ 1980], который и является основной темой данной статьи. В данном разделе будут вкратце охарактеризованы все эвиденциальные показатели тазовского селькупского. Употребления латентива с показателем *-nt(y)* подробно разобраны в [Урманчиева 2014; 2015]. Здесь будут приведены основные сведения об употреблении этой формы косвенной эвиденциальности. При описании эвиденциальной системы тазовского селькупского удобно оперировать предложенной в [Плунгян 2011: 473] типологически ориентированной схемой эвиденциальных значений. Схема в статье не приводится, необходимые пояснения по поводу того или иного эвиденциального значения будут даны по ходу изложения, параллельно с примерами.

2.1. Эвиденциальные употребления латентива

2.1.1. Значение визуального доступа

Как показано в [Урманчиева 2014], селькупский резко отличается от родственных ему языков (и, вообще говоря, от большинства «канонических» языков с категорией эвиденциальности) тем, что в нем к сфере прямой засвидетельствованности относится только партиципнтное значение ('говорящий лично принимал участие в ситуации'), но не значение визуального доступа ('говорящий лично наблюдал ситуацию'), хотя традиционно (в соответствии с устройством большинства эвиденциальных систем) именно личное наблюдение считается основой прямой засвидетельствованности. Пример (1) демонстрирует употребление латентива в значении визуального доступа:

- (1) *Әты-мын-ты пӧнӧ танты-лӧ, чап кӧ-ңы-ты мӧт-ты*
 слово-PROL-3 наружу выйти-СВВ лишь найти-AOR-O3 чум-GEN.3
пӧры-т улқа чӧты тамы-ль сарпы-ля инпы-нты-Ө.
 верх-GEN лед против грязный-ABL тропа-DIM лежать-LATENT-S3.
Монты тӧтты пӧто-мын инӧ тӧ-с сайи тантылэнэ-нты-Ө.
 глядь земля нутро-PROL вверх огонь-GEN глаза выходить-LATENT-S3
 'Как он сказал, на улицу вышла, едва разглядела — по обледелой крыше жилища грязная дорожка **идет**. Глядь — из-под земли искры **выходят**' [Прокофьев рук., фонд 6, опись 1, ед. хр. 16].

семантикой. Напротив, за счет определенного сужения значения, которое неизбежно должен претерпеть старый показатель, он в некоторых случаях получает вторую жизнь. А именно, приобретая более узкое, специализированное и в силу этого более яркое значение, он в результате может оказаться прагматически более востребованным, чем прежде. В частности, именно такой путь развития постулируется для суахилийского показателя консекутива *ka-* в работе [Урманчиева 2008]: этот показатель, будучи вытесненным из части контекстов в результате экспансии показателя прошедшего времени, изменил свою семантику на более специализированную, что дало толчок к дальнейшей семантической эволюции на основе этого нового значения. Но рассмотрение таких примеров не относится к теме настоящей работы.

Поскольку, действительно, использование показателя косвенной засвидетельствованности для маркирования визуального доступа крайне нетипично, возникает вопрос: не могут ли рассматриваемые употребления быть проинтерпретированы как-то иначе? Альтернативной была бы трактовка, согласно которой употребления, аналогичные приведенному в примере (1), представляют миративное значение (т. е. используются для маркирования информации, являющейся новой и неожиданной для говорящего; о миративе см. подробнее 2.1.6). Действительно, эвиденциальные формы могут развивать миративное значение; в частности, хорошо известно, что в северносамодийских языках это значение развилось на базе формы с инферентивным значением. Однако употребления селькупского латентива в значении, которое мы определяем как визуальный доступ, имеют существенное отличие от употреблений миративных показателей других самодийских языков. А именно, латентив в значении визуального доступа может употребляться на протяжении достаточно значительных фрагментов текста, описывая последовательно сменяющие друг друга ситуации в рамках нарративной цепочки, что абсолютно нехарактерно для миратива². Это происходит в тех случаях, когда протагонист, попадая в некоторые новые обстоятельства с новыми действующими лицами, наблюдает эту ситуацию, не вмешиваясь в нее и не принимая в ней активного участия. В этом случае часть повествования ведется с использованием форм визуального доступа от лица протагониста. Данный нарративный прием — чередование форм аориста как форм прямой засвидетельствованности с формами визуального доступа — назван в [Урманчиева 2015] *дискурсивным дейксом*. Суть его состоит в том, что фокус повествования все время удерживается возле протагониста за счет того, что действия второстепенных персонажей (до тех пор, пока протагонист не начинает с ними активно взаимодействовать) подаются в рассказе сквозь призму восприятия протагониста:

- (2) *Түлү мөттү щёрны₁₁. Мөттү чап щёрны₁₂ монты нильчиль ильчала бмнынты₁₃ мыкай тарыль нюкык ёңа₁₄. Кеккыс мыта мат на щип қольчинты₁₅ нильчип на кэтынтыты₁₆ «Тімням на тўнты». Нўны нильчип на кэтынтыты₁₇ «Бл амтйщик». Онты иннй ныллэллй понд на тарынты₁₈. Сёпылаң ёлй мөттү на қонтицеинты₁₉. Монты мат чунтаны пэлыль лакап тарыль тирь орқыллыл тултынтыты₁₁₀ на. Щоқырыт щўньнёнты на омталтынтыты₁₁₁ на. Ныны ацца ката₁₁₂. Ий иннй ныллэя₁₁₃ понд тэры₁₁₄ пэлэль чуннынт. Ныны иннй омта₁₁₅. Яннй лақалта₁₁₆.*
- ‘Придя, в дом вошел₁₁. В дом лишь вошел₁₂, глядь, такой старичок сидит₁₃, даже шерсть сверху на нем (есть)₁₄. С трудом меня увидел₁₅, так вот говорит₁₆: «Брат мой вот пришел». Потом так говорит₁₇: «Садись». Сам, встав, на улицу вышел₁₈. Через некоторое время в чуме вот появился₁₉. Глядь, моего коня половину, за холку с шерстью схватив, притащил₁₁₀. В печку положил₁₁₁. Потом ничего не случилось₁₁₂. Ий встал₁₁₃, на улицу вышел₁₁₄ на половине своего коня. Потом сел₁₁₅. Вперед тронулся₁₁₆’ [Прокофьев рук., фонд 6, опись 1, ед. хр. 18].

² Миративное значение в северносамодийских языках либо сопутствует инферентивному (и в этом случае не так принципиально, постулируем ли мы наличие миративного компонента или нет, так как он не может быть выражен применительно к завершившимся ситуациям, описываемым глаголами действия, в случае прямой засвидетельствованности), либо может быть выражено, так сказать, «в чистом виде», по отношению к непосредственно наблюдаемым ситуациям, но такие употребления миратива ограничены глаголами состояния. Кроме того, кажется, что парадоксальным образом и в случае развития миративного значения на базе инферентивного этот путь грамматикализации обусловлен не связью миративного значения с эвиденциальной семантикой, а другим важным свойством употребления инферентивных показателей. А именно: контексты употребления инферентива, как правило, подразумевают «чтение» определенных **видимых** следов уже совершившейся ситуации (в частности, инферентив часто допустим в контексте глагола зрительного восприятия, синтаксическом либо, шире, дискурсивном: герой приходит в определенное место и видит, что до его прихода здесь нечто произошло) и **непосредственную** вербализацию производимых наблюдений. Таким образом, миративность сама по себе связана не с эвиденциальностью, а именно с непосредственным наблюдением, и, как будет видно из дальнейшего изложения, если не предполагать у латентивного показателя значения визуального доступа, другие эвиденциальные значения этого показателя с трудом объяснили бы его использование в миративных контекстах.

В этом отрывке повествование ведется сначала от третьего лица при помощи аористных форм [1], [2]. Затем, при появлении нового персонажа (старика), референция к протагонисту осуществляется при помощи первого лица ('меня увидел', 'моего коня'), и идет довольно длинная цепочка латентивных форм [3]—[11], описывающих действия старика от лица наблюдающего за ним протагониста. Наконец, когда сам он включается в действие, референция к нему опять осуществляется при помощи третьего лица и в повествовании появляются аористные формы [12]—[16].

2.1.2. Значение сенсорного доступа

Латентив используется и для маркирования сенсорного доступа, т. е. в тех случаях, когда говорящий получает информацию о ситуации при помощи слуха (чаще всего) (3), но также — осязания или обоняния. В этом значении может употребляться также специализированная форма *аудитива* (4):

- (3) *Ūtynyk ūŋkylytym-p-a-ty picyt sūmy ūnny-nty-ø*
вечером услышать-AOR-O3 топор-GEN звук слышаться-LATENT-S3
'К вечеру услышала: звук топора **слышится**' [ОчСЯ 1993: 12, текст 3: 39]³.
- (4) *Ukkyr contō-qyt pi-t conty-l' kotā-qyt aj nīl'cyk*
один время-LOC ночь-GEN время-ADJ середина-LOC опять так
ūntyn '-ny-ty: aj kos qaj na tū-kynā-ø
услышать-AOR-O3 опять INDEF что вот **прийти-AUD-S3**
'Друг в полночь опять слышит: опять кто-то **пришел, слышно**' [Там же: 38, текст 26: 127].

Судя по всему, аудитив представляет собой более старую форму, ср.: «В течение последних десятилетий в тазовском диалекте значительно сократилось употребление аудитива. Это наклонение довольно часто встречается в текстах, охваченных словарем И. Эрдеи [Erdélyi 1969], однако в современных записанных нами текстах аудитив не был употреблен ни разу, хотя сама его форма понятна большинству информантов. Сфера прежнего использования аудитива, т. е. обозначение "действий, устанавливаемых на основании их слышимости" (Прокофьев 1935, стр. 69), в настоящее время обслуживается обычно латентивом» [ОчСЯ 1980: 242].

2.1.3. Эндофорическое значение

Латентив может использоваться также в тех случаях, когда говорящий сообщает о своих внутренних ощущениях:

- (5) *Kātsat, ŋnyl', qālymp-āš topy-sā. A to mat uta-p cūšaly-nty-ø*
внук правда идти-IMVS2 нога-INSTR а то я рука-1 заболеть-LATENT-S3
'Внук, правда, иди пешком. А то мои руки **заболели**' [ОчСЯ 1993: 18, текст 6: 55—56].

2.1.4. Репортативное значение

Латентив используется для передачи информации, известной говорящему со слов других людей.

- (6) *Tēpтыль чёлы нильчиль әты тў-нты-ø — ёмтәль₁ қон₂*
следующий день такой весть прийти-LATENT-S3 царь₁,₂
мықым момпа коччи пәлә-ль тамтыр-ты иўънни-нты-ø
у мол много половина-ADJ род-3 **убавиться-LATENT-S3**
'На следующий день пришло известие, что людей у царя **стало** вполровину **меньше**' [Прокофьев рук., фонд 6, опись 1, ед. хр. 18].

³ Ссылки на тексты из [ОчСЯ 1993] даются в следующем формате: номер страницы, номер текста: номер предложения в тексте.

- (7) *Qum-yt njk tom-n5-tyt, lapkō-qyn üt cāḡḡy-nty-Ø*
 человек-PL так говорить-AOR-3PL магазин-LOC вода **не.иметься-LATENT-S3**
 ‘Люди говорят, в магазине водки **нет**’ [ОчСЯ 1980: 241].

2.1.5. Презумптивное значение

Латентив используется также в контекстах, которые следует, как кажется, определить как презумптивные. В работе [Урманчиева 2014] я описывала соответствующие употребления как инферентивные, однако теперь мне кажется более уместным квалифицировать соответствующие употребления как презумптивные. Эти колебания объясняются тем, что на первый взгляд в соответствующих примерах можно выделить текстовые фрагменты, эксплицитно описывающие основания для инференции (т. е. ту наблюдаемую ситуацию [1], на основании которой говорящий путем инференции восстанавливает наличие ситуации [2], которую он лично не наблюдал). Тем не менее эти основания для инференции обладают определенным свойством, которое отличает эти контексты от классических инферентивных (для маркирования которых в селькупском существует отдельный, собственно инферентивный показатель *-mru*, см. [Урманчиева 2014]). А именно, ситуации [1] (в примере (8) ниже выделена разрядкой) и [2] связаны достаточно опосредованно, и для постулирования связи между ними необходимо в значительной сфере опираться на общие рассуждения, знания о мире и т. п. Такое значение описывается в типологии эвиденциальных значений В. А. Плунгяна как презумптивное (в типологии эвиденциальности [Aikhenvald 2004] соответствующее значение определяется как *assumption*):

- (8) *Merky namyššak esy-mpa-Ø — m5t-ty n5ny ponä ašša tann-enta-Ø.*
 ветер такой статъ-INFER-S3 чум-3 из наружу NEG выйти-FUT-S3
Ira njl'cik esa: “Nop qət-qolam-ty-Ø”
 старик так сказать-AOR-S3 бог убить-PROSP-LATENT-S3
 ‘Ветер такой поднялся — из чума на улицу старик не выйдет. Старик так сказал: «Бог меня **убить собрался**»’ [ОчСЯ 1993: 8, текст 1: 4—5].

2.1.6. Миративное значение

Наконец, латентив выражает еще одно грамматическое значение, не относящееся к сфере эвиденциальности, но часто возникающее у эвиденциальных показателей, — значение миратива. Для описания миративных употреблений эвиденциальных показателей в самодийских языках наиболее адекватной является трактовка миративности, предложенная С. ДеЛанси (впервые на это указано в [Гусев 2007: 425—429]). Он определяет миративность как «семантическую категорию новой, или неассимилированной информации»⁴.

- (9) *iça koş kuşçe qən-Ba-Ø? ukkər çonDō-qyt lōZb-t*
 PN хоть куда уйти-INFER-S3 один время-LOC черт-GEN
mātæ-n aç çāṭṭ pirGь nāCḡь tūm.
 дверь-GEN отверстие напротив высокий три лиственница
nāCḡьrmDæliḡ tūm pārb-qyt tō āṭmь-nDь-Ø iça
 третий лиственница вершина-LOC на сидеть-LATENT-S3 PN
 ‘Ича-то куда ушел? Вот [досл. однажды. — А. У.] напротив двери черта три высоких лиственницы. И на вершине третьей лиственницы, **оказывается**, Ича **сидит**’ [Прокофьев 1935: 102].
- (10) *uī! kōZьmь/ çayGa-p! titja-p qət-ta-p.*
 EXCL счастливый ловушка-1 пташка-ACC добыть-LATENT-O1
qolCḡa-n tja-p qət-ta-p!
 кукушка-GEN ребенок-ACC добыть-LATENT-O1
 ‘<Черт-старик к ловушке подходит.> О! Счастливая ловушка моя! Пташку **поймал** я, птенца кукушки **поймал** я!’ [Прокофьев 1935: 102]

⁴ «...a semantic category of new or unassimilated information» [DeLancey 2012: 533].

2.2. Инферентивный показатель

Наряду с латентивом, в селькупском представлен показатель инферентива (его употребления также разбираются в [Урманчиева 2014]). Он употребляется для обозначения ситуации в тех случаях, когда говорящий не наблюдал саму ситуацию, но:

а) наблюдает ее непосредственный результат (в этом случае, как кажется, сложно говорить о том, что утверждение о самой ситуации связано с наблюдением результата отношением инференции, так как тривиальный результат ситуации прагматически является ее непосредственной составляющей). В данном случае, вероятно, уместно говорить о такой разновидности доступа к информации о ситуации, как *визуальный ретроспектив* (см. [Урманчиева, в печати, б])⁵;

б) наблюдает какие-то менее тривиальные последствия ситуации и путем инференции восстанавливает информацию о ненаблюдавшейся ситуации (либо ее компонентах):

- (11) *im̃/a-q̃n-D̃* *ɕap tul̃n-ŋa-Ø*, *im̃/a-m̃ monD̃ naɕɕāqyt qu-mBa-Ø* —
бабушка-LOC.POSS-3 едва прийти-AOR-S3 бабушка-1 видеть давно умереть-INFER-S3
m̃qaj qorQ̃b-t tar̃-/ qyt t̃at̃q q̃atB̃ɕ-ŋa-t̃
даже медведь-GEN шерсть-ADJ мох совсем укрыть-INFER-O3
'К бабушке своей как только дошел — бабушка моя, видеть, так давно **умерла** — даже медвежий (собств. медвежье-шерстый) мох совсем (ее) **покрыл**' [Прокофьев 1935: 109].

В примере (11) описываются две ситуации. Утверждение о ситуации [1] 'мох ее покрыл' представляет собой пример *визуального ретроспектива*, основанного на наблюдении результата. В то же время эта ситуация, в свою очередь, служит эксплицированным в тексте основанием (косвенным свидетельством) для логического вывода о существовании ситуации [2] ('мох покрыл' → 'бабушка умерла давно'). Замечу попутно, что инференция может иметь определенную сферу действия: так, в примере (11) инференция касается именно времени смерти, сам же факт кончины в данном случае также устанавливается путем наблюдения результата.

Наконец — это наблюдение окажется важным, когда речь пойдет о семантической эволюции эвиденциальных значений, — следует сказать, что инферентив часто употребляется в контексте глаголов визуального восприятия:

- (12) *Mannyp̃-ɕ-tyt: Ica-n ima-ty qu-mBa-Ø*
смотреть-AOR-S3PL PN-GEN жена-3 умереть-INFER-S3
Pany-s̃a kut̃y₁ kos₂ p̃arqyl-pa-ty.
Нож-INSTR кто-то₁,₂ заколоть-INFER-O3
'Смотрят: Ичина жена **умерла**. Ножом кто-то (ее) **заколол**' [ОчСЯ 1993: 25, текст 12: 26—27].

Отличие инферентива в тазовском селькупском от инферентива северносамодийских языков состоит в том, что в редких случаях инферентив допустим при прямой засвидетельствованности ситуации в перфектных контекстах:

- (13) *Hu-n ĩja nil̃ ɕat̃y-ŋy-t: «Ман мыта неньня-ль*
Небо-GEN ребенок так сказать-AOR-O3 я мол сестра-ADJ
мы̃ɕ̃ɕ̃ỹn₁ нянт̃ä₂ ɕ̃m̃ty-nt̃ä-ɕ̃yt uk̃yn ап̃сы-н-ты
вместе₁,₂ сидеть-NMLZ-LOC перед.LOC еда-GEN-3
mat k̃ymmal̃ty-ɕa-k. Ä̃ɕ̃ä-n nam̃y-t ɕ̃ɕ̃ty ŋ̃ry-n-ty ɕ̃ip̃
я потащить-PRAET-S1 Отец-1 это-GEN из-за закон-GEN-3 я.ACC

⁵ Дело в том, что контексты визуального ретроспектива, как правило, подразумевают «чтение» определенных следов уже совершившейся ситуации, т. е. информация о ситуации поступает к говорящему *непосредственно* в процессе расшифровки этих следов. В этом смысле инферентив действительно сообщает о том, что говорящий *видит*.

нин-па-Ø — *сельчи* *маркы* *нат-йо* *ȳ-на-м*
 положить-INFER-S3 *семь* *остров* *это-TRANSL* *тащить-AOR-O1*

‘Божий сын так говорит: «Я, когда сидел с сестрами за столом, раньше времени еду себе взял. Поэтому мой отец на меня наказание **наложил** — семь островов за это ташу»’ [Прокофьев рук., фонд 6, опись 1, ед. хр. 16].

3. Селькупская эвиденциальная система в сопоставлении с северносамодийскими

Итак, в тазовском селькупском семантическая зона эвиденциальности поделена между показателями следующим образом, см. таблицу 1.

Таблица 1

Эвиденциальная система тазовского селькупского⁶

Тип доступа к информации	Эвиденциальное значение	Способ выражения
Прямой личный доступ	партиципантное	аорист / (в перфектных контекстах очень редко возможен инферентив)
	визуальное	латентив <i>-nt(y)</i> / инферентив <i>-mp(y)</i> (= визуальный ретроспектив)
	сенсорное	латентив <i>-nt(y)</i> / аудитив <i>-kyn(ä)</i>
	эндофорическое	латентив <i>-nt(y)</i>
Непрямой личный доступ	инферентивное	инферентив <i>-mp(y)</i>
	презумптивное	латентив <i>-nt(y)</i>
Непрямой неличный доступ	репортативное	латентив <i>-nt(y)</i>

Как соотносится эта система с эвиденциальными системами северносамодийских языков? Эвиденциальная система ненецкого описана исчерпывающим образом в работах С. И. Бурковой, из последних можно указать [Буркова 2010]; эвиденциальная система нганасанского — в [Гусев 2007]; оба энецких идиома описываются по материалам автора данной статьи. Поскольку, во-первых, в указанных работах можно найти примеры на все перечисленные значения в ненецком и нганасанском, во-вторых, эвиденциальная система энецкого не отличается от эвиденциальных систем других северносамодийских языков и, в-третьих, подробное описание эвиденциальности в северносамодийских не входит в задачу данной работы, здесь приводится только таблица, в которой суммируются данные по структуризации семантической сферы эвиденциальности в северносамодийских языках (таблица 2). Подробно будет рассмотрено только выражение презумптивного значения, так как это важно для сопоставления с селькупским материалом.

⁶ Следует учитывать, что схема несколько упрощена: аорист как немаркированный член парадигмы эвиденциальных форм может заменять специализированные эвиденциальные формы в ряде контекстов.

Таблица 2

Эвиденциальные системы северносамодийских языков⁷

Тип доступа к информации	Эвиденциальное значение	Ненецкий	Тундровый энецкий	Лесной энецкий	Нганасанский
Прямой личный доступ	партиципантное	аорист ⁸			
	визуальное	аорист / инферентив (= визуальный ретроспектив) ⁹			
	сенсорное	аудитив ¹⁰			
	эндофорическое	аудитив			
Непрямой личный доступ	инферентивное	инферентив			
	презумптивное	проба-билитив-презумптив ¹¹ (подробно см. ниже)	презумптив ¹²		
Непрямой неличный доступ	репортативное	инферентив / аудитив	инферентив	репорта-тив ¹³ / аудитив	

Презумптивное значение в чистом виде из всех северносамодийских языков выражается только в энецком. Однако больший интерес, чем энецкая форма, для темы данной статьи представляет одна форма ненецкого языка — форма пробабилитива-презумптива с показателем *-на-кы/-да-кы/-та-кы*. Дело в том, что именно она когнатна селькупской латентивной форме¹⁴.

⁷ Заливка в ячейках таблицы означает, что в языке это значение не получает специального грамматического выражения.

⁸ Образование аористной формы в самодийских языках происходит по достаточно сложным правилам, поэтому в таблице не приводятся показатели; интересующихся читателей можно отослать к статье [Урманчиева 2013], где суммированы существующие данные по образованию аориста в самодийских языках, а также впервые приводятся полные данные о правилах образования аористной формы в лесном и тундровом энецком.

⁹ Инферентив в самодийских языках выражается следующими показателями: селькупский *-mp(y)*, тундровый ненецкий *-вы ~ -мы*, лесной и тундровый энецкий *-bi ~ -pi*, нганасанский *-HUATU*. Нганасанский показатель является составным, его первым элементом выступает старый показатель инферентива *-HUA* (соответствующий энецкому *-bi ~ -pi*, см. [Гусев 2006]; нганасанские показатели даются в морфонологической транскрипции и поэтому записаны заглавными буквами) и сохранившийся в нганасанском в интеррогативной парадигме в репортативной функции, см. [Гусев 2013: 71]).

¹⁰ Аудитив в самодийских языках выражается следующими показателями: селькупский *-kun(ä)*, тундровый ненецкий *-вон(он) ~ -мон(он)*, лесной и тундровый энецкий *-(m)uni*, нганасанский *-MUNƏ/-MUNUJ*.

¹¹ Пробабилитив-презумптив в тундровом ненецком имеет форму *-на-кы ~ -да-кы ~ -та-кы*.

¹² Презумптив в энецком имеет показатель *-ta* (прибавляется к особой глагольной основе, но морфонологические тонкости в данном случае несущественны).

¹³ В нганасанском сформировалась особая парадигма репортатива, см. [Гусев 2007: 429—439].

¹⁴ И латентивный показатель селькупского языка *-nl(y)*, и первый компонент ненецкого пробабилитива-презумптива *-na* имеют причастное происхождение и восходят к общесамодийскому показателю имперфективного причастия **-nta*.

Данная форма описывается в [Буркова 2010: 285] как выражающая именно презумптивное значение в сочетании с пробабилитивным: «Аффикс *-на/-да/-та* в составе словоформы пробабилитива выражает <...> значение презумптива, указывающее на то, что информация, лежащая в основе предположения, входит в область общих знаний, память говорящего».

Ниже приводятся несколько примеров из ненецких текстов, (14)—(17). Прежде всего презумптив оформляет сентенциальный актанта при глаголе 'говорить' (в этом случае 'говорить' означает 'думать') — в таких примерах фактически содержится эксплицитное указание на «ментальный» источник информации:

- (14) *Пя-‘и* *хэв-хана* *юседа-б-та* *ма-ма-зэ* *хабэй* *э-накы-Ө*
 дерево-GEN.PL.1 бок-LOC лежать-VACOND-3 сказать.AOR-S1-PRAET мертвый быть-PRES-S3
 'Когда он лежал около моих дров, я подумала, что он **мертвый**' [ЭПН: 322].

Есть примеры, в которых ментальный источник информации фактически подразумевается, однако эксплицитно в контексте не обозначается (помимо употребления грамматического показателя презумптива):

- (15) *Хурка-рха-‘?* *Сюдбя-‘* *э-накэ-“?*
 что-COMP-PR3DU? Великан-DU быть-PRES-S3DU
 '— Каковы они [двое]? Они, наверное, **сильные**?' [ЭПН: 272].

Часто в контексте эксплицитно указываются основания, позволяющие говорящему сформулировать презумптивное суждение:

- (16) *Ты* *пэр-чи-ни* *нули“* *по-н* *юңгу-ню“*
 олень.ACC.PL держать-PTPRAES-PL.1 очень год-LAT не.иметься[-CONN]-NEG.EMPH.S3PL
Ты-ду *нэдара-накы-“* *хаңгула-накы-д“?*
 Олень-3PL отпустить-PRES-S3PL заболеть-PRES-R3PL
 'Уж больно долго нет наших пастухов. Наверное, они оленей **упустили**, или **заболели**' [Лаба-наускас 2001: 15].
- (17) *Нярава₁ валкумбэ₂-‘* *ня-ли-да* *няңгары-Ө.*
 PN_{1,2}-GEN рот-LIM-3 открытым.быть.AOR-S3.
Ханя *ман-дакы-Ө:* *«Ху-мна ту-т-ба-та?»*
 Как сказать-PRES-S3 где-PROL прийти-FUT-VACOND-3
 'У Нярава Валкумбэ только рот остался раскрытым. Наверное, **думает**, по какому месту угодит <стрела>' [Терещенко 1990, текст 4, предл. 131, 132].

Употребление селькупского латентива в презумптивном значении проиллюстрировано примером (8) выше; см. также примеры (24)—(28) из [Урманчиева 2014].

Таблица 2 позволяет наглядно увидеть значительную близость эвиденциальных систем северносамодийских языков. В дальнейшем для сопоставления с тазовским селькупским нам достаточно будет пользоваться данными тундрового ненецкого (тем более что именно в ненецкой глагольной системе представлена презумптивная форма, когнатная селькупской).

4. Развитие эвиденциальных систем самодийских языков

Итак, и в тундровом ненецком, и в тазовском селькупском представлены эвиденциальные показатели с широкой семантикой. Каковы сценарии развития грамматической полисемии в эвиденциальной сфере этих двух идиомов?

4.1. Инферентив

В ненецком представлен показатель инферентива *-вы ~ -мы*, который выражает значения «визуального ретроспектива», собственно инферентива и репортатива. Показатель этот

когнатен показателю перфективного причастия *-vbl ~ -mbl*, и путь его семантической эволюции представляется достаточно очевидным. Вероятно, отправной точкой грамматикализации послужила предикация с перфективным причастием, подчиненная глаголу зрительного восприятия. Дальнейший путь ее развития был, по всей видимости, таким:

перфективное причастие,
зависимое от глагола
зрительного восприятия → визуальный ретроспектив → инферентив → репортатив

Выше уже упоминалось, что контексты визуального ретроспектива (и, шире, инферентива — в отличие от репортативных контекстов), как правило, подразумевают «чтение» определенных следов уже совершившейся ситуации, т. е. информация о ситуации поступает к говорящему не посредственно в процессе расшифровки этих следов. В этом смысле прототипические инферентивные контексты подразумевают совмещение **миративного** и инферентивного семантических компонентов. И эвиденциальные показатели естественно эволюционируют в показатели «неассимилированной» информации, т. е. в показатели с собственным миративным значением. Таким образом, полный путь развития инферентивного показателя ненецкого языка выглядит следующим образом:

перфективное причастие,
зависимое от глагола
зрительного восприятия → визуальный ретроспектив → инферентив → репортатив
↓
миратив

4.2. Презумптив

Что можно сказать о грамматикализации презумптивного показателя в ненецком? Он состоит из двух морфем: показателя пробабилитива *-кы* (входящего в состав еще пяти форм) и предшествующего ему показателя имперфективного причастия. Можно было бы предполагать, исходя из ненецкого материала, что была грамматикализована конструкция с причастной клаузой, подчиненной глаголу со значением ‘думать’¹⁵. Однако, если попытаться выбрать исходную конструкцию, которая могла бы дать путь грамматической эволюции, в равной степени подходящий и для ненецкого презумптива, и для селькупского латентива, возможно, следует считать, что исходной, как и в случае инферентива, была конструкция с глаголом визуального восприятия.

В этом случае переход от значения визуального восприятия к презумптивному значению представляет собой ту же метафору, которая задействована в семантической эволюции глагола ‘видеть’ (ср., например, полисемию др.-англ. *seon* ‘to see, look, behold; observe, perceive, understand; experience, visit, inspect’ [etymonline.com/index.php?term=see]).

Соответственно, исходной точкой грамматикализационного процесса в данном случае явилась конструкция *X видум, что V-PtPraes*.

¹⁵ Ср. употребление презумптива с глаголом *манзь* ‘сказать’, который также употребляется в значении ‘думать’:

(i) *Пя-’н* *хэв-хана* *юседа-б-та* *ма-ма-зъ* *хабэй* *э-накы-Ø*
дерево-GEN.PL.1 бок-LOC лежать-VACOND-3 сказать.AOR-S1-PRAET мертвый быть-PRES-S3
‘Когда он лежал около моих дров, я подумала, что он мертвый’ [ЭПН: 322].

	‘видеть’	>	‘понимать’
имперфективное причастие, зависимое от глагола зрительного восприятия	→ визуальный доступ ↓ миратив	→	презумптив

Ненецкая пробабилитивная форма *-на-кы* находится на третьей стадии данного пути грамматикализации, причем ни значения визуального доступа, ни значения миратива эта форма не выражает. В ненецком, как уже было сказано, презумптивный показатель употребляется только в сочетании с показателем эпистемической оценки — возможно, именно он блокирует выражение значения визуального доступа и миратива. Что касается селькупского латентивного показателя *-nt(y)*, то он выражает и значение визуального доступа к ситуации, и значение миратива, и значение презумптива; таким образом, в его семантике объединяются грамматические значения, представленные на разных этапах данного пути грамматикализации.

Напомню, что значения селькупского латентивного показателя *-nt(y)* не ограничиваются тремя перечисленными: он является показателем с широкой эвиденциальной семантикой. Напротив, инферентивный показатель селькупского не имеет такой широкой сферы употребления, как инферентивный показатель ненецкого. Соответственно, можно было бы предположить, что в тазовском селькупском инферентивный показатель «недоразвился» в эвиденциальной сфере (в частности, он не утратил возможности описывать ситуации, к которым говорящий имел прямой личный доступ) и что, в отличие от северносамодийских языков, в тазовском селькупском именно латентив оказался тем «грамматически сильным» показателем, вокруг которого изначально была выстроена эвиденциальная система, тогда как инферентив в селькупском был развит гораздо слабее. В ненецком же, напротив, представлена система с экспансией инферентивного показателя и с «недоразвившимся» латентивным показателем, выражающим только презумптивные значения.

5. Перестройка эвиденциальной системы тазовского селькупского

Однако, как кажется, есть основания предполагать, что исходно селькупская система эвиденциальных маркеров была существенно ближе к ненецкой. Что дает основания говорить об этом?

Самый очевидный случай можно наблюдать при кодировании сенсорного и эндофорического значений. Напомню, что в тазовском селькупском эти значения выражаются латентивным показателем, однако он вытеснил исконный показатель аудитива в самое недавнее время, и притом не полностью, так что восстановить первоначальную картину не составляет труда. Исконный аудитивный показатель встречается как в текстах, записанных в 20-х гг. XX в. Г. Н. Прокофьевым, так и — гораздо реже — в текстах из [ОчСЯ 1993], записанных в 70-х гг. XX в. См. также приведенную после примера (4) аргументацию того, что в селькупском в ситуации конкуренции аудитива и латентива именно аудитив представляет собой более старый и вытесняемый из грамматической системы показатель.

Итак, значение аудитива представляет собой первый и самый бесспорный пример экспансии латентивного показателя в селькупской эвиденциальной системе. При этом использование латентива для маркирования значения сенсорного доступа гораздо естественнее объяснить не конкретными семантическими переходами, обусловленными собственным значением латентивного показателя, а тем, что в грамматической системе уже имеется определенная семантическая ниша, и семантический переход запускается именно за счет того, что эта семантическая ниша втягивает в себя новый грамматический показатель взамен старого.

Гораздо менее тривиальным выглядит вопрос о том, как исходно (условно — в прасамодийском) была поделена эвиденциальная сфера между показателем, восходящим

к имперфективному причастию (селькупский латентив, ненецкий презумптив) и показателем, восходящим к перфективному причастию (инферентив). Можно было бы предположить, что в селькупском исходно была представлена эвиденциальная система, близкая к обско-угорской (засвидетельствована, например, для обдорского хантыйского). Обско-угорская эвиденциальная система, как и тазовская селькупская, организована при помощи двух форм, восходящих к перфективному и имперфективному причастиям. Интересно сопоставить некоторые употребления эвиденциальных форм, восходящих к перфективному (Pfv) и имперфективному (Ipfv) причастиям в тазовском селькупском, ненецком и обдорском хантыйском (по материалам [Nikolaeva 1999a]¹⁶). Антериорность, заложенная в значение перфективного причастия, и одновременность, соотносящаяся с имперфективным причастием, при финитном употреблении этих форм естественно трансформируются в абсолютное время, прошедшее и настоящее соответственно. Если учитывать этот параметр, оказывается, что наиболее симметричная система наблюдается в обдорском хантыйском, см. таблицу 3.

Таблица 3

Распределение показателей, восходящих к имперфективному и перфективному причастиям, в обдорском хантыйском

Значения	Формы	
	Настоящее время	Прошедшее время
‘инферентив’		Pfv
‘репортатив’	Ipfv	Pfv
‘миратив’	Ipfv	Pfv
‘презумптив’	? ¹⁷	?

В ненецком происходящая от перфективного причастия форма проникает в сферу настоящего времени в миравитивном значении. Что касается настоящего времени репортатива, то, по данным [Буркова 2010: 300], «если “пересказываемая” ситуация относится к настоящему временному плану, то функцию выражения ренарратива берет на себя аудитив». Однако противопоставление аудитива и инферентива в репортативной сфере как презентных и претеритных форм соответственно, как кажется, следует считать скорее поздним явлением. Во-первых, судя по энецким и нганасанским данным, инферентивная форма (в нганасанском, соответственно, как собственно репортатив, так и вопросительный репортатив, восходящий к этимологическому инферентивному показателю, см. [Гусев 2007: 437—439, 441]) употребляется и в значении репортатива настоящего времени. Во-вторых, в нганасанском аудитивная форма также может употребляться в значении репортатива, причем как с референцией к настоящему, так и к прошедшему времени, примеры см. в [Гусев 2007: 423]. Соответственно, можно предполагать, что изначально противопоставление инферентива и аудитива в репортативной сфере не было связано с временной референцией. Возможно, аудитив использовался для сообщения более или менее общеизвестной информации, а инферентив — для пересказа информации из конкретного источника. Для данной статьи существенно, что инферентивная форма могла передавать значение репортатива в сфере настоящего времени и в ненецком, о чем свидетельствует реализация этой возможности в энецком и нганасанском, см. таблицу 4.

¹⁶ В обдорском хантыйском эвиденциальность выражается финитными употреблениями перфективного и имперфективного причастий.

¹⁷ Знаки вопроса в данной строке таблицы означают, что нет сведений о выражении этих значений грамматическими средствами, однако возможно, что соответствующие употребления эвиденциальных форм не зафиксированы в существующих описаниях.

Таблица 4

Распределение показателей, восходящих к имперфективному и перфективному причастиям, в тундровом ненецком

Значения	Формы	
	Настоящее время	Прошедшее время
‘инферентив’		Pfv
‘репортатив’	Aud (но энец, нган. Pfv)	Pfv
‘миратив’	Pfv	Pfv
‘презумптив’	Ipfv + Prob	Ipfv + Prob

В селькупском, напротив, происходящая от имперфективного причастия форма вторгается в сферу прошедшего времени (таблица 5).

Таблица 5

Распределение показателей, восходящих к имперфективному и перфективному причастиям, в тазовском селькупском

Значения	Формы	
	Настоящее время	Прошедшее время
‘инферентив’		Pfv
‘репортатив’	Ipfv	Ipfv
‘миратив’	Ipfv	Ipfv
‘презумптив’	Ipfv	Ipfv

Можно ли считать, что представленная в тазовском селькупском асимметричная система развилась из симметричной системы обдорского типа? Кажется, есть основания считать, что перестройка системы была еще более значительной: не от симметричной системы обдорского типа, а от асимметричной (но в другую сторону, нежели в селькупском) северносамодийской системы. Естественно, основным аргументом является не столько генетическая близость селькупского и северносамодийских языков, но и внутрисистемные аргументы, к рассмотрению которых мы сейчас перейдем.

5.1. Латентив в значении репортатива

В селькупских грамматиках значение репортатива приписывается только латентиву, см. [Прокофьев 1935: 66; ОчСЯ 1980: 241]. Есть ли основания считать, что раньше репортатив маркировался инферентивом?

В селькупских фольклорных нарративах представлена форма с показателем *-mmynt(y)* (<*-mrynt(y)*). Первый элемент этого суффикса — показатель инферентива, второй — показатель латентива. Как продемонстрировано в [Урманчиева, в печати, а], этот показатель по своим употреблениям в точности соответствует употреблениям нганасанского репортативного показателя. Однако в селькупском, в отличие от нганасанского, эти употребления сохранились исключительно в нарративном регистре, в фольклорных текстах. Такое использование формы на *-mmynt(y)* на протяжении всего повествования является достаточно редким, однако оно полностью соответствует использованию специализированной репортативной формы в нганасанском. Это доказывает, что и в селькупском эту форму следует рассматривать именно как выражающую репортативное значение. В интродуктивных фрагментах фольклорных текстов в нганасанском также может употребляться либо инферентив, либо репортатив; в селькупском, в свою очередь, в интродуктивных фрагментах может употребляться либо форма с показателем *-mry(y)*, являющаяся инферентивом, либо

форма с показателем *-mmynt(y)*, которая, очевидно, и в этом случае является функциональным аналогом нганасанского репортатива.

Можно наблюдать некоторую корреляцию между типом повествования и возможностью использовать в дискурсе репортативную форму (эта корреляция лучше видна на нганасанском материале, но в меньшем объеме ее можно наблюдать и в селькупском). Так, репортативные формы чаще используются в персональных нарративах (например, в рассказе о старших родственниках, в рассказе о собственном рождении, а также в рассказах о несомненно имевших место исторических событиях, известных со слов очевидцев, пусть даже отделенных от рассказчика несколькими поколениями), а инферентивные — в таких фольклорных повествованиях, которые являются «общим достоянием». Ср. следующий фрагмент фольклорного нарратива, в котором последовательно употребляются репортативные формы:

- (18) 21. *N̄ny konnä na tannymmynty.* 22. *Ukkyr qälyk karrän na qalymmynty, qural' qälyk karrän na qalymmynty.* 23. *Ṣmy qälyt konnä na tannymmyntṣtyt.* 24. *Ira cul' mṣtaqnty na šērpyny.* 25. *Qälyt pōqyn ēpīāqyt āmnāntysä mṣtyn ŷlyp n'utysä na tṣqqymmyntṣtyt, n̄ny tōsä tṣqqympaty, n̄ny ūrsä qamnympaty, n̄ny aj n'utysä na tṣqqymmyntyty.* 26. *N̄ny qälytym mṣty ŷtylä, kunner apsy qajty ēsa muntyk karrä na tottymmyntyty.* 27. *N̄ny ira na apstyqolammyntyty, na amyrqolammyntṣtyt qälyt.* 28. *N̄ny onty mṣtqyt qalympa, šitty āmnānty n'ennäl' okoškanty na ŷtymmyntyty, šitty āmnānty pōqyl' peläl' mṣta pūtyty, šitty āmnānty innä šōjal pōrynty ŷtymmyntyty.* 29. *Sēpylan na amyrpynytyt, sēpylan na ṣmnymmynṣtyt qälyn.*

‘21. Потом на берег он **вышел**. 22. Один ненец внизу **остался**, хромой ненец внизу **остался**. 23. Остальные ненцы на берег **вышли**. 24. Старик в свою землянку **вошел**. 25. Пока ненцы на улице были, (он) со своими снохами пол сеном **застелил**, потом берестой застелил, потом жиром залил, потом опять сеном **застелил**. 26. Потом, ненцев в дом впустив, сколько еды, что у него было, (= сколько было у него еды), все на огонь (вариться) **поставил**. 27. Потом старик **стал кормить, стали есть** ненцы. 28. Потом сам в доме **остался**, двух снох к переднему окну **отправил**, двух снох в наружные сени, двух снох вверх к дымовому отверстию чучала **отправил**. 29. Достаточно **покушали**, достаточно **посидели** ненцы’ [ОчСЯ 1993: 30, текст 20].

В дейктическом же регистре репортатив выражается только латентивным показателем (что и отражено в грамматиках), однако это является очевидной инновацией. Вероятно, переход репортативных функций от инферентивного к латентивному показателю совершался в два этапа:

- 0) первоначально в селькупском, как и в северносамодийских, репортативное значение выражалось формой инферентива¹⁸ (в селькупском это форма с показателем *-mp(y)*);
- 1) инферентивная форма с показателем *-mp(y)*, выражавшая репортативное значение, стала дополнительно маркироваться показателем латентива *-nt(y)*. В итоге образовалась форма репортатива с составным показателем *-mmynt(y)*. Составной характер этого показателя, помимо всего прочего, указывает на то, что латентивный показатель — поскольку он прибавляется к уже существующей в языке грамматической форме — является более молодым элементом грамматической системы, чем показатель инферентива¹⁹;

¹⁸ Очевидно, что форма, восходящая к перфективному причастию, переходя в эвиденциальную сферу, должна была сначала приобрести инферентивные употребления как семантически смежные с идеей собственно результативности, выражаемой причастной формой. Развитие репортативных употреблений должно было стать следующим шагом на пути грамматикализации.

¹⁹ Рассматриваемый показатель фольклорного репортатива *-mmynt(y)* следует отличать от показателя с другой функцией, и, вероятно, только омонимичного фольклорному репортативу, но образовавшегося несколько иначе: первый элемент его представляет собой, вероятно, показатель дуратива. Этот показатель употребляется в нарративе в контекстах типа:

- (ii) *Na cūry-mmy-nty-Ø, na cūry-mmy-nty-Ø,*
и плакать-DUR-LATENT-S3 и плакать-DUR-LATENT-S3
n̄ny mṣta-n ṣq-qyt qontal-ēlc-a-Ø
потом дверь-GEN рот-LOC уснуть-INTENS-AOR-S3

‘Плакал, плакал <ребенок>, потом в дверях уснул’ [ОчСЯ 1993: 10, текст 2: 27].

- 2) В дальнейшем этот составной показатель репортатива сохранился только в текстах архаичных жанров, а в дейктическом регистре был заменен показателем латентива *-nt(y)*.

Таким образом, латентивный показатель (пройдя стадию дублирующего маркера) стал выражать также репортативное значение. Важно, что этот этап семантической эволюции латентивного показателя также обусловлен именно тем, что система втягивает новый показатель в уже существующие семантические ниши.

5.2. Латентив в значении миратива

Как показывают примеры (9) и (10), латентив употребляется в миративном значении вне зависимости от темпоральной референции ситуации. При этом в текстах изредка встречаются примеры, когда при сочетании инферентивного и миративного значений употребляется уже упоминавшийся составной показатель *-mmynty*. Однако в этом случае (в отличие от рассмотренных выше репортативных контекстов) его значение складывается из значения инферентива и значения миратива:

- (19) *Ima ci-m-ty mušyry-mp-a-ty. Ci-m-ty ompä₁ nšty₂ konnä wəc-centy-ty.*
 женщина котел-ACC-3 сварить-DUR-AOR-O3 котел-ACC-3 скоро_{1,2} с.огня снять-FUT-O3
Pō-qyt qum-yt tū-ntš-tyt. Qum-yt pō-qyny mšt-ty šērāly-ntš-tyt,
 снаружи-LOC человек-PL прийти-LATENT-S3PL человек-PL снаружи-EL чум-ILL войти-LATENT-S3PL
tšl'₁ pelāl'₂ kopto-nty illā omtāly-ntš-tyt. Naššak šmt-š-tyt, pisiry-mp-š-tyt,
 дальний_{1,2} место-ILL вниз сесть-LATENT-S3PL столько сидеть-AOR-S3PL смеяться-DUR-AOR-S3PL
koňāly-mp-š-tyt: "Nū-t īja nīl'cyl' ima tatty-mmynty-ty —
 говорить-DUR-AOR-S3PL бог-GEN ребенок такой женщина привести-INFER-LATENT-O3
qyp ken'y-l' kala-t ol-yp ašša üt-tenty-ty"
 человек суп-ADJ ковш-GEN голова-ACC NEG выпить-FUT-O3

‘Женщина котел варит. Вот-вот уже котел с огня снимет. На улице люди пришли. Люди с улицы в чум позаходили, на дальнее место поусаживались. Столько сидят, посмеиваются, поговаривают: «Божий сын такую жену **привел** — человек головку супового ковшика не выпьет»’ [ОчСЯ 1993: 8, текст 1: 18—23].

Более широкий контекст примера (19): люди знакомятся с женой божьего сына; это и есть женщина, готовящая еду. Из-за того, что она не собирается их угощать, они делают вывод о том, что Божий сын привел плохую жену. В этой фразе используется форма *tattymmynty* ‘привел’, в которой показатель *-mmynty* выражает значение инферентива (показатель инферентива *-mty* < *-mry*, употребление инферентивного показателя обусловлено тем, что говорящие не наблюдали приезд женщины) и значение миратива (при помощи латентивной морфемы *-nty*). Такие примеры, как (19), позволяют предполагать, что в селькупском инферентивная форма исходно выражала миративное значение (как минимум с референцией к прошлому). Если это предположение верно, то схема замещения инферентивного показателя латентивным в миративном значении аналогична схеме замещения этих показателей в репортативном значении: произошло замещение старого миративного показателя новым (представленным в (9) и (10)) через стадию дублирующего маркирования.

Итак, было показано, что несколько этапов семантического развития латентивного показателя (а именно занятие им семантических ниш аудитива, репортатива и миратива) представляют собой проявления грамматического дрейфа. Эти этапы семантического развития обусловлены не внутренней логикой семантического развития латентивного показателя, а влиянием системы, которая привлекает новые показатели для обслуживания уже сформировавшихся семантических ниш.

Несколько рассмотренных примеров касались исключительно изменения маркирования внутри семантической зоны эвиденциальности. Однако в тазовском селькупском представлен любопытный пример замещения латентивным показателем совсем иного грамматического механизма.

6. Промежуточный топик и вторичный топик в нарративе

Присущее латентиву значение новой, «неассимилированной» информации было транспонировано в нарративную сферу, где у латентива сформировались особые функции — он утрачивает свое прямое эвиденциальное значение и становится дискурсивным маркером **введения топика**.

Во всяком нарративе выделяется топик — некоторый известный объект действительно-сти, о котором идет речь в определенном фрагменте повествования. Обычно в фольклорном нарративе можно выделить основной топик, соответствующий протагонисту, о котором идет речь на протяжении всего повествования. Кроме этого, в процессе повествования могут появляться новые второстепенные персонажи, участвующие только в некотором фрагменте повествования. Латентив употребляется при первом упоминании такого объекта действительности, который в дальнейшем станет промежуточным топиком некоторого фрагмента повествования:

- (20) *Lōs-ira picy-m-ty mišal-ny-ty, pacyn-ny-ty saǵy-l' oly-l' tüny-m-ty.*
 черт-старик топор-ACC-3 взять-AOR-O3 рубить-AOR-S3 глаз-ADJ голова-ADJ лиственница-ACC-3
Tü-nty-Ø *n'oma: "I'cǵ, šinty pelty-lä-k!" Lōs-ira mi-ny-ty*
 прийти-LATENT-S3 заяц дед PRONACC.2 помочь-OPT-S1 черт-старик дать-AOR-O1
picy-m-ty n'oma-nyŋ <...> N'oma picy-m-ty mišal-ny-ty,
 топор-ACC-3 заяц-DAT заяц топор-ACC-3 взять-AOR-O3
mācā-qyn-ty sarrē-ny-ty, nūny pakt-a-Ø. <...> Loqa tü-nty-Ø
 хвост-LOC.POSS-3 привязать-AOR-O3 потом убежать-AOR-S3 Лиса прийти-LATENT-S3
 'Черт-старик топор взял, рубит лиственницу с глазами (и) с головой. **Пришел** заяц: «Дед, давай тебе помогу!» Черт-старик дал топор зайцу. <...> Заяц топор взял, к своему хвосту привязал, оттуда убежал. <...> Лиса **пришла**» [ОчСЯ 1993: 19, текст 6: 115, 116, 125, 131].

Еще более интересный сюжет, который самым непосредственным образом относится к теме данной статьи, связан с понятием вторичного топика (secondary topic). Это понятие, используемое в работах И. Николаевой [Nikolaeva 1999b; 2001], позволяет описать мотивировку выбора глагольного спряжения в тех уральских языках, где переходные глаголы различают так называемое субъектное и объектное спряжение. Правила выбора спряжения в интересующей нас части вкратце таковы: прямой объект, релевантный на протяжении некоторого фрагмента повествования, назовем вторичным топиком. При первом упоминании (т. е. при введении в повествование) вторичного топика используется субъектное спряжение, при дальнейших его упоминаниях — объектное²⁰.

Такое прагматически мотивированное употребление показателей субъектного и объектного спряжений представлено во всех северносамодийских языках. Вероятно, оно существовало и в селькупском. Во всяком случае в селькупском и сейчас представлено два типа спряжения, однако их употребление жестко связано с переходностью/непереходностью: переходные глаголы оформляются только показателями объектного спряжения (за исключением случаев с объектом первого лица), непереходные глаголы — только показателями субъектного спряжения.

Однако в тазовском селькупском возник грамматический механизм, компенсирующий утрату прагматического противопоставления субъектного и объектного спряжения при переходных глаголах. А именно: при введении (первом упоминании) объекта, который далее в тексте выполняет функцию вторичного топика, переходный глагол маркируется латентивом. Необходимо отметить две вещи: во-первых, этот механизм более четко прослеживается по текстам 1920-х, нежели по текстам 1970-х гг., где он уже в значительной мере расшатан. Во-вторых, существование этого механизма можно видеть в северном, тазовском

²⁰ Заметим, что это не коррелирует с определенностью/неопределенностью объекта: например, «будущий» топик уже при первом упоминании может оказаться определенным объектом ('взял свой лук').

диалекте; в южной группе селькупских диалектов он совершенно отсутствует. Возможно, это объясняется не только тем, что тазовский селькупский находится «на отшибе», в зоне своеобразной консервации, но и свидетельствует о некотором восстановлении «самодийского грамматического прототипа» в тазовском селькупском. Дело в том, что в результате миграции тазовские селькупы оказались существенно ближе к ареалу северносамодийских языков, чем были за 300 лет до того. И, возможно, ареальное влияние северносамодийских позволило тазовскому селькупскому вторично развить некоторые грамматические механизмы для передачи грамматических противопоставлений, существующих в северносамодийских языках.

Итак, если сопоставить механизм чередования типов спряжения, утраченный в селькупском, с механизмом чередования латентива и индикатива, взявшим на себя функцию маркирования вторичного топика при переходных глаголах, получается следующая картина (см. таблицу 6).

Таблица 6

Различные грамматические механизмы маркирования вторичного топика

	Чередование субъектного и объектного типов спряжения при переходном глаголе в северносамодийских языках	Чередование латентива и индикатива при переходном глаголе в тазовском диалекте селькупского языка
Первое упоминание «будущего» вторичного топика	<i>субъектный тип спряжения</i>	<i>латентив</i>
Последующие упоминания вторичного топика	<i>объектный тип спряжения</i>	<i>индикатив</i>

Очевидно, что два рассмотренных механизма функционируют совершенно по-разному; в частности, в них противоположным образом распределены маркированная и нейтральная форма. При чередовании типов спряжения введение будущего топика никак не маркируется и при первом упоминании объекта нельзя сказать, будет ли он иметь функцию вторичного топика. Употребление объектного спряжения в последующем фрагменте текста по сути близко к механизму поддержания референции: пока употребляется объектное спряжение, очевидно, что речь идет об одном и том же объекте. Напротив, при чередовании латентива и индикатива маркируется введение будущего вторичного топика, но в дальнейшем тексте в глагольных формах не используются никакие дополнительные грамматические механизмы для поддержания референции к вторичному топик. Таким образом, в первом механизме основная нагрузка ложится на формы объектного спряжения, отмечающего последующие вхождения вторичного топика, а во втором — на форму латентива, отмечающую первое вхождение будущего вторичного топика. Очевидно, что каждая из этих стратегий по-своему эффективна: первая облегчает ориентацию в дальнейшем повествовании, тогда как вторая раньше сигнализирует о том, что некоторый объект действительности будет релевантен в данном повествовании.

Приведу фрагмент текста, в котором дважды вводится вторичный топик (существительное, обозначающее будущий вторичный топик в первом вхождении, выделено подчеркиванием; оформленный показателем латентива глагол, при котором это существительное является объектом, выделен полужирным шрифтом):

- (21) *Čit̃ karraē b̃t̃ỹt̃, karraē poññt̃ lōZ̃t̃ ñaēl̃æq̃p̃. Nāñ muš̃āq̃. Ukk̃ar̃ çonDōq̃t̃ iça t̃p̃r̃ m̃q̃ỹl̃D̃t̃; čit̃D̃ koññaē w̃ač̃ĩỹt̃, tunD̃t̃ çar̃ mat̃el̃ñt̃. LōZ̃ ñaēl̃æq̃t̃ w̃ač̃il̃ lakãl̃ t̃p̃r̃ t̃ip̃onD̃ tokkalD̃al̃ñt̃, lōZ̃-irat̃ w̃at̃tonD̃ çoq̃q̃ỹñt̃. OnD̃ toq̃ỹñaē t̃ỹa, lōZ̃-irat̃ p̃ē̃t̃ỹm̃ **inD̃t̃**, õl̃mD̃ tō mat̃ỹt̃. LōZ̃-irat̃ p̃ē̃t̃ỹ k̃ỹt̃ š̃ỹñonD̃ š̃im̃s̃aē Zoññt̃. <...> T̃ỹmonD̃ s̃ỹq̃l̃ñ, t̃ỹm̃ p̃ā̃r̃ỹq̃t̃ ā̃mDa. <...> Iça ill̃el̃āq̃ pãñỹña, lōZ̃-irat̃ š̃im̃l̃ m̃s̃æ çari qamDeĩỹt̃.*
 ‘Котел свой на огонь повесил, в котел сложил чертовых дочек. Долго варились. Между тем Ича шпеньков **понаделал**; котел свой с огня снял, на куски разрезал <чертовых дочек>.

Чертовых дочек куски на шпеньки понадевал, на дороге черта-старика <т. е. на пути, по которому он будет возвращаться> воткнул. Сам обратно пришел, черта-старика пимы **взял**, головки их отрезал. В голенища пимов черта-старика золы начерпал. <...> На лиственницу залез, лиственницы на вершине сидит. <...> Ича вниз маленько спустился, черта-старика золой в рожу обсыпал’.

Первый вторичный топик в этом фрагменте текста — *tīrʹ* ‘шпеньки’. Как можно видеть из приведенного фрагмента, они фигурируют в дальнейшем повествовании: Ича надел на них куски мяса и воткнул их вдоль дороги, по которой должен вернуться черт-старик. Этот сюжетный ход развивается и дальше — черт-старик, возвращаясь, съел это мясо, но для краткости я не привожу этот фрагмент текста. Во второй раз в качестве будущего вторичного топика вводится существительное *rētʹ* ‘пимы’. (В данном случае, кстати, хорошо видно, что будущий вторичный топик может быть референциально определенным уже при первом вхождении.) В следующих предложениях рассказывается, что именно сделал Ича с пимами: отрезал их нижнюю часть и насыпал в голенища золы. Далее этот топик «всплывает» в самом конце истории, после значительного фрагмента текста, где описываются совершенно другие события. Именно этим пимам с золой суждено сыграть ключевую роль: Ича, спускаясь с лиственницы, запорошил золой глаза и рот черту-старика, благодаря чему смог легко с ним справиться, спустившись вниз.

7. Латентив в вопросах и ответах

В [ОчСЯ 1980] обращается внимание на еще одно употребление латентива: он употребляется в вопросах и ответах на вопросы. Как ни удивительно, но и в этом случае можно указать «старую» глагольную форму, «создавшую прецедент» выделения этих грамматических контекстов. Речь идет о форме так называемого прошедшего времени. В ненецком и лесном энецком уральское *s*-овое прошедшее время превратилось в маркер интеррогатива прошедшего времени. В аффирмативной парадигме употребляется новая форма прошедшего времени с постфиксальным показателем; один из устойчивых контекстов употребления этой формы — ответы на вопросы (см. [Урманчиева, в печати, б]). Таким образом, в этих языках парадигма прошедшего времени оказывается супплетивной, разделяясь по линии утвердительных и вопросительных предложений. В селькупском *s*-овое прошедшее сохранилось и в утвердительных, и в вопросительных предложениях; судя по примерам из текстов, оно также имеет тенденцию употребляться в вопросах и ответах. Ср. диалоги (22) и (23), в которых в вопросе и ответе употребляется форма прошедшего времени²¹:

- (22) — *Apa-nty-lʹ my-t kuššat qas-sʹ-tytʹ?*
отец-2-ADJ COLL-PL когда уйти-ПРАЕТ-S3PL

— *Apa-lʹ my-t talʹcēly qas-sʹ-tytʹ*
отец-ADJ COLL-PL вчера уйти-ПРАЕТ-S3PL

‘— Твои родители когда уехали?

— Родители вчера уехали’ [ОчСЯ 1996: 13—14, текст 4: 7—17].

- (23) *Nātā-t əsy qaryt tū-lā nīk kəty-ny-ty: «Kuty tū-r-sy-Ø?»*
девушка-GEN отец утром прийти-СВБ так сказать-АОР-ОЗ Кто прийти-ИТЕР-ПРАЕТ-S3

Nālʹa-ty kəty-ny-ty: «Tālʹcēly tū-sy-Ø ukkyr qup»
Девушка-3 сказать-АОР-ОЗ Вчера прийти-ПРАЕТ-S3 один человек

‘Отец девушки утром, приехав, так сказал: «Кто приезжал?» Девушка сказала: «Вчера приезжал один человек»’ [ОчСЯ 1996: 14, текст 4: 26—27].

²¹ Это не единственная функция *s*-ового прошедшего времени в селькупском; так, в примере (13) выше оно используется для описания второстепенных ситуаций, сообщение о которых является только пояснением, но не собственно коммуникативной целью реплики — такое употребление прошедшего времени характерно и для других самодийских языков, о чем см. [Урманчиева, в печати, б].

Диалоги в следующих двух примерах демонстрируют употребление латентива в вопросах и ответах:

- (24) *Konnä tant-a-Ø, nıl' kätü-ny-ty: «Kuty šip qāqylyt-my-nty-Ø*
 на.сушу выйти-AOR-S3 так сказать-AOR-O3 кто PRONACC.1 передразнить-DUR-LATENT-S3
Lōsy-t tüty-l' palcal laka nıl' kätü-ny-ty:
 черт-GEN дерьмо-ADJ навозная.лепешка кусок так сказать-AOR-S3
«Mat šinty qāqylyt-my-nta-k.»
 я PRONACC.2 передразнить-DUR-LATENT-S1
 'На берег вышел, так сказал: «Кто меня передразнивает?» Чертова навозная лепешка так сказала: «Я тебя передразниваю»' [ОчСЯ 1993: 17, текст 6, 16—17].
- (25) — *Куччэ җән-тб-лын?*
 Куда идти-LATENT-S2PL
 — *Ме имал-лә җән-тб-мын сельчи паныш ира-ны*
 Мы свататься-CVБ идти-LATENT-S1PL семь коса старик-DAT.ALL
 '— Куда идете?
 — Мы идем свататься к старику с семьей косами' [Прокофьев рук., фонд 6, опись 1, ед. хр. 15].

В отличие от рассмотренных выше случаев, когда латентив замещал старые грамматические формы, в данном случае латентив не вытесняет прошедшее время из латентивных контекстов. На новую грамматическую форму распространяется уже существующий в языке прагматический механизм, что позволяет распространить маркирование вопросов и ответов на контексты, семантически недоступные для формы прошедшего времени (например, на контексты настоящего времени, как в (24) и (25), хотя, как показывают примеры (26) и (27), латентив может употребляться в вопросах и с референцией к прошлому). Два примера ниже демонстрируют, что латентив и прошедшее время могут употребляться в рамках одного и того же вопросительного высказывания; факторы, регулирующие выбор формы, требуют специального исследования:

- (26) *Šmtyl' qōn₂ mōt šēr-na-Ø, mōt-an 5q-qyt nylle-ja-Ø.*
 царь_{1,2}-GEN чум войти-AOR-S3 чум-GEN дверь-LOC встать-AOR-S3
šmtyl' qoŋ nyrkumtān-na-Ø: «Qaj lōsy tūi-nta-Ø? Il'ca, qā tūi-sa-nty?»
 царь_{1,2} испугаться-AOR-S3 что черт прийти-LATENT-S3 старик зачем прийти-PRAET-S2
 'В дом царя вошел, в дверях встал. Царь испугался: «Что за черт пришел? Дед, зачем пришел?»' [ОчСЯ 1993: 23, текст 9, 12—14].
- (27) *Има-ты нильчик кэты-ңы-т: «Ира ай қаі-ль но-п қо-льчі-нта-л*
 женщина-3 так сказать-AOR-O3 старик опять что-ADJ бог-ACC найти-INTENS-LATENT-O2
тан аццә тымтә қора-м-тә оннә-нты аммын-қонтоқы
 ты NEG здесь мokusн-ACC-2SG сам-2 съестъ-VAINF.2
мотта-м-ты мөт-ты сәппе-и-са-л?»
 дверь-ACC-2 чум-ILL привязать-INTENS-PRAET-O2
 'Жена его так сказала: «Старик, какого бога нашел ты (= о каком боге ты говоришь), не ты ли, для того, чтобы самому съестъ мokusна, здесь раньше дверь к чуму привязал?»' [Прокофьев рук., фонд 6, опись 1, ед. хр. 18].

Таким образом, использование латентива в вопросах и ответах является примером распространения существующего в языке грамматического механизма на новую грамматическую форму (причем в данном случае речь идет не о замещении формы прошедшего времени формой латентива, а только о распространении выработавшегося в языке прагматического механизма на новую грамматическую форму).

Заключение

Итак, история экспансии латентивного показателя в селькупском является ярким примером того, насколько значительным может быть влияние грамматической системы на семантическую эволюцию показателя. Этот новый эвиденциальный показатель (о его

относительной «грамматической» молодости по сравнению с инферентивным показателем говорит, в частности, тот факт, что он мог оформлять уже существующие в языке формы с инферентивным показателем) только на самых ранних этапах развивался более или менее предсказуемо, в соответствии с внутренней логикой семантических преобразований. Но основную часть употреблений этот показатель приобрел за счет того, что он занимал уже существующие в глагольной системе семантические ниши. Влияние грамматической системы на семантическую эволюцию показателя, как мы видели, может проявляться несколько различным образом:

- 1) система может втягивать показатель в уже существующие семантические ниши, замещая им старые грамматические показатели (приобретение латентивным показателем значений сенсорного, эндофорического, репортативного доступа);
- 2) система может использовать семантический потенциал нового показателя для восстановления утрачиваемых прагматических механизмов (функция маркирования вторичного топика переходит от чередования типов спряжения к чередованию индикатива и латентива);
- 3) на новую грамматическую форму распространяется существующий в системе грамматический механизм (маркирование вопросов и ответов).

Кажется, до сих пор такое влияние грамматической системы языка на процесс семантической эволюции показателя оказывалось недооцененным. Исходя из этого, необходимо уточнить предлагавшееся ранее понятие «грамматического дрейфа», или семантической эволюции показателя, интегрированного в грамматическую систему. Напомню, что раньше предлагалась следующая модель этого процесса: «новый» грамматический показатель, входя в грамматическую систему со своим, новым для нее значением, запускает процесс реструктуризации системы, в ходе которого старые показатели под давлением нового начинают менять свои значения, будучи потесненными в части своих употреблений. Таким образом, в этой модели взаимодействия «новичка» с существующей грамматической системой «старые» показатели могут менять свое значение не столько следуя внутренней логике семантического развития, сколько под давлением «новых» грамматических показателей, «освобождающих» в ряду грамматических оппозиций место для выражаемого ими значения. Однако эту модель взаимодействия нового показателя с грамматической системой следует дополнить еще одним компонентом: «новый» показатель может испытывать притяжение со стороны уже существующих в системе семантических ниш.

Итак, грамматический дрейф в действительности представлен не одним, а двумя механизмами: в результате действия первого из них (система деформируется для того, чтобы адаптировать новое грамматическое значение) происходит реструктуризация грамматической системы, в результате действия второго (система «втягивает» прагматически более привлекательные показатели в уже существующие семантические ниши) происходит прагматическое обновление системы. Случаи второго рода при этом представляют не менее важный класс. Возможно, они даже более частотны: грамматические системы реже подвергаются кардинальной перестройке, чем обновлению. Новые показатели не так часто приносят в грамматическую систему абсолютно новое значение; их семантическая эволюция нередко может быть обусловлена необходимостью поддержать сформировавшиеся в грамматике семантические оппозиции.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- 1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо
ACC — аккузатив
ADJ — суффикс образования прилагательных
AOR — аорист
AUD, Aud — аудитив

COLL	— собирательность
COMP	— компаратив ('подобный чему-либо')
CONN	— коннегатив
CVB	— деепричастие
DAT	— датив
DATALL	— датив-аллатив
DIM	— диминутив
DU	— двойственное число
DUR	— дуратив
EL	— элатив
EMPH	— показатель со значением эмпазы
EXCL	— междометие
FUT	— будущее время
GEN	— генитив
ILL	— иллатив
IMV	— императив
INDEF	— неопределенность
INFER	— инферентив
INSTR	— инструменталис
INTENS	— интенсивно-перфектная совершаемость
IPFV	— имперфективное причастие
ITER	— итератив
LAT	— латив
LATENT	— латентив
LIM	— лимитатив ('только')
LOC	— локатив
LOC.POSS	— показатель локативных падежей в посессивном склонении
NEG	— отрицание (частица в селькупском, отрицательный глагол в ненецком)
NMLZ	— номинализация
O	— объектное спряжение
OPT	— оптатив
PFV	— перфективное причастие
PL	— множественное число
PN	— имя собственное
PR	— предикативные формы имени
PRAET	— прошедшее время
PRES	— презумптив
PROB	— пробабилитив
PROL	— пролатив
PRON.ACC	— аккузатив личных местоимений
PROSP	— проспектив
PTPRAES	— причастие настоящего времени
R	— рефлексивное спряжение
S	— субъектное спряжение
TRANSL	— транслатив
VACOND	— условное деепричастие
VAINF	— инфинитивное деепричастие

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Буркова 2010 — Буркова С. И. Краткий очерк грамматики тундрового диалекта ненецкого языка // Буркова С. И., Кошкарева Н. Б., Лаптандер Р. И., Янгасова Н. М. Диалектологический словарь ненецкого языка. Екатеринбург: Баско, 2010. С. 180—349. [Burkova S. I. An outline of grammar of the Tundra dialect of Nenets. *Dialektologicheskii slovar' nenetskogo yazyka*. Burkova S. I., Koshkareva N. B., Laptander R. I., Yargasova N. M. (comp.) Ekaterinburg: Basko, 2010. Pp. 180—349.]
- Гусев 2006 — Гусев В. Ю. О сохранении архаичных форм в неассертивных контекстах: материал самодийских языков // Проблемы типологии и общей лингвистики: международная конференция,

- посвященная 100-летию со дня рождения проф. А. А. Холодовича. Материалы. Санкт-Петербург, 4—6 сентября 2006 г. СПб.: Нестор — История, 2006. С. 41—45. [Gusev V. Yu. Concerning the retention of archaic forms in non-assertive contexts: material of Samoyedic languages. *Problemy tipologii i obshchei lingvistiki: mezhdunarodnaya konferentsiya, posvyashchennaya 100-letiyu so dnya rozhdeniya prof. A. A. Kholodovicha. Materialy*. St. Petersburg, September 4—6, 2006. St. Petersburg: Nestor — Istoriya, 2006. Pp. 41—45.]
- Гусев 2007 — Гусев В. Ю. Эвиденциальность в нганасанском языке // Храковский В. С. (ред.). Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Наталии Андреевны Козинцевой. СПб.: Наука, 2007. С. 415—444. [Gusev V. Yu. Evidentiality in Nganasan. *Evidentsial'nost' v yazykakh Evropy i Azii. Sbornik statei pamyati Natalii Andreevny Kozintsevoi*. Xrakovskij V. S. (ed.). St. Petersburg: Nauka, 2007. Pp. 415—444.]
- Гусев 2013 — Гусев В. Ю. Селькупско-нганасанские параллели в области глагольной морфологии // Кибрик А. Е. (ред.). Лингвистический беспредел-2. Сборник научных трудов к юбилею А. И. Кузнецовой. М.: Изд-во Московского ун-та, 2013. С. 69—75. [Gusev V. Yu. Selkup-Nganasan parallels in the area of verb morphology. *Lingvisticheskii bespredel-2. Sbornik nauchnykh trudov k yubileyu A. I. Kuznetsovoi*. Kibrik A. E. (ed.). Moscow: Moscow State Univ. Publ., 2013. Pp. 69—75.]
- Лабанаускас 2001 — Лабанаускас К. И. (сост.). Ямидхы" лаханаку" — Сказы седой старины. Ненецкая фольклорная хрестоматия. М.: Русская литература, 2001. [Labanauskas K. I. (comp.). *Yamidkhy" lakhanaku" — Skazy sedoi stariny. Nenetskaya fol'klornaya khrestomatiya* [Tales of hoary antiquity. Nenets folklore reader]. Moscow: Russkaya Literatura, 2001.]
- ОчСЯ 1980 — Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В. Очерки по селькупскому языку. М.: Изд-во Московского ун-та, 1980. [Kuznetsova A. I., Khelinskii E. A., Grushkina E. V. *Ocherki po sel'kupskomu yazyku* [Studies of the Selkup language]. Moscow: Moscow State Univ. Publ., 1980.]
- ОчСЯ 1993 — Кузнецова А. И., Казакевич О. А., Иоффе Л. Ю., Хелимский Е. А. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т. 2. М.: Изд-во Московского ун-та, 1993. [Kuznetsova A. I., Kazakevich O. A., Ioffe L. Yu., Khelinskii E. A. *Ocherki po sel'kupskomu yazyku. Tazovskii dialekt*. [Studies of the Selkup language. The Tas dialect]. Vol. 2. Moscow: Moscow State Univ. Publ., 1993.]
- Плунгян 2011 — Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. [Plungian V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: Grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2011.]
- Прокофьев 1935 — Прокофьев Г. Н. Селькупская (остяко-самоедская) грамматика. Л.: Издательство института народов Севера ЦИК СССР, 1935. [Prokof'ev G. N. *Sel'kupskaya (ostyako-samoedskaya) grammatika* [Selkup (Ostyak Samoyed) grammar]. Leningrad: The Institute of the Peoples of the North, Central Executive Committee of the USSR, 1935.]
- Прокофьев рук. — подготавливаемые к печати О. А. Казакевич тексты, записанные Г. Н. Прокофьевым, которые хранятся в Архиве МАЭ. [texts recorded by G. N. Prokof'ev stored in the archival depository of the Museum of Anthropology and Ethnography, edited by O. A. Kazakevich.]
- Терещенко 1990 — Терещенко Н. М. Ненецкий эпос. Материалы и исследования по самодийским языкам. Л.: Наука, 1990. [Tereshchenko N. M. *Nenetskii epos. Materialy i issledovaniya po samodiiskim yazykam* [The Nenets epic. Materials and studies in Samoyedic languages]. Leningrad: Nauka, 1990.]
- Урманчиева 2008 — Урманчиева А. Ю. «Сад расходящихся тропок»: дискурсивные и пропозициональные значения на семантической карте // Гусев В. Ю., Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю. (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе. М.: Гнозис, 2008. С. 87—130. [Urmanchieva A. Ju. «The garden of divergent paths»: discursive and propositional meanings on the semantic map. *Issledovaniya po teorii grammatiki*. No. 4: *Grammaticheskie kategorii v diskurse*. Gusev V. Yu., Plungian V. A., Urmanchieva A. Ju. (eds). Moscow: Gnozis, 2008. Pp. 87—130.]
- Урманчиева 2013 — Урманчиева А. Ю. Образование форм аориста в самодийских языках // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. IX. Ч. 2. СПб.: Наука, 2013. С. 734—767. [Urmanchieva A. Ju. Aorist formation in Samoyedic languages. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy*. Vol. IX. Part 2. St. Petersburg: Nauka, 2013. Pp. 734—767.]
- Урманчиева 2014 — Урманчиева А. Ю. Эвиденциальные показатели селькупского языка: соотношение семантики и прагматики в описании глагольных граммем // Вопросы языкознания. 2014. № 4. С. 66—86. [Urmanchieva A. Ju. Evidential markers in Selkup: Semantic and pragmatic factors in the description of verbal categories]. *Voprosy Jazykoznanija*. 2014. No. 4. Pp. 66—86.]

- Урманчиева 2015 — Урманчиева А. Ю. От имперфективности к эвиденциальности (на материале тазовского диалекта селькупского языка) // Воейкова М. Д., Сосоновцева Е. Г. (ред.). Категории имени и глагола в системе функциональной грамматики. *Acta Linguistica Petropolitana*. Т. XI. Ч. 1. СПб.: Наука. 2015. С. 195—216. [Urmanchieva A. Ju. From imperfectivity to evidentiality (a case study of the Tas dialect of Selkup). *Kategorii imeni i glagola v sisteme funktsional'noi grammatiki*. Voeykova M. D., Sosonovtseva E. G. (eds). *Acta Linguistica Petropolitana*. Vol. XI. Part 1. St. Petersburg: Nauka. 2015. Pp. 195—216.]
- Урманчиева, в печати, а — Урманчиева А. Ю. Дискурсивные употребления инферентива и репортатива в самодийских языках // Проблемы функциональной грамматики. Предикативные категории в высказывании и в тексте (в печати). [Urmanchieva A. Ju. Discursive usage of inferentive and reportative in Samoyedic languages. *Problemy funktsional'noi grammatiki. Predikativnye kategorii v vyskazyvanii i v tekste* (in print).]
- Урманчиева, в печати, б — Урманчиева А. Ю. «Антиподы» перфекта в самодийских языках: ненецкое прошедшее время // Майсак Т. А., Плунгян В. А., Семенова К. П. Исследования по теории грамматики. Вып. 7: Типология перфекта. *Acta Linguistica Petropolitana*. Т. XII. Ч. 1. СПб.: Наука, в печати. [Urmanchieva A. Ju. Antipodes of the perfect tense in Samoyedic languages: the Nenets past tense. Maisak T. A., Plungian V. A., Semenova K. P. *Issledovaniya po teorii grammatiki*. No. 7: *Tipologiya perfekta*. *Acta Linguistica Petropolitana*. Vol. XII. Part 1. St. Petersburg: Nauka, in print.]
- ЭПН — Куприянова З. Н. (сост.). Эпические песни ненцев. М.: Наука, 1965. [Kupriyanova Z. N. (comp.). *Epicheskie pesni nentsev* [Epic songs of the Nenets people]. Moscow: Nauka, 1965.]
- Aikhenvald 2004 — Aikhenvald A. Y. *Evidentiality*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2004.
- Bybee et al. 1994 — Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. *Evolution of grammar*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1994.
- DeLancey 2012 — DeLancey S. Still mirative after all these years. *Linguistic Typology*. 2012. Vol. 16. Pp. 529—564.
- Erdélyi 1969 — Erdélyi I. *Selkupisches Wörterverzeichnis. (Tas-Dialekt)*. Budapest: Akadémiai kiadó, 1969.
- Nikolaeva 1999a — Nikolaeva I. The semantics of Northern Khanty evidentials. *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. 1999. No. 88. Pp. 131—159.
- Nikolaeva 1999b — Nikolaeva I. Object agreement, grammatical relations, and information structure. *Studies in Language*. 1999. No. 2. Pp. 341—386.
- Nikolaeva 2001 — Nikolaeva I. Secondary topic as a relation in information structure. *Linguistics*. 2001. No. 39. Pp. 1—49.

Статья поступила в редакцию 07.04.2015.